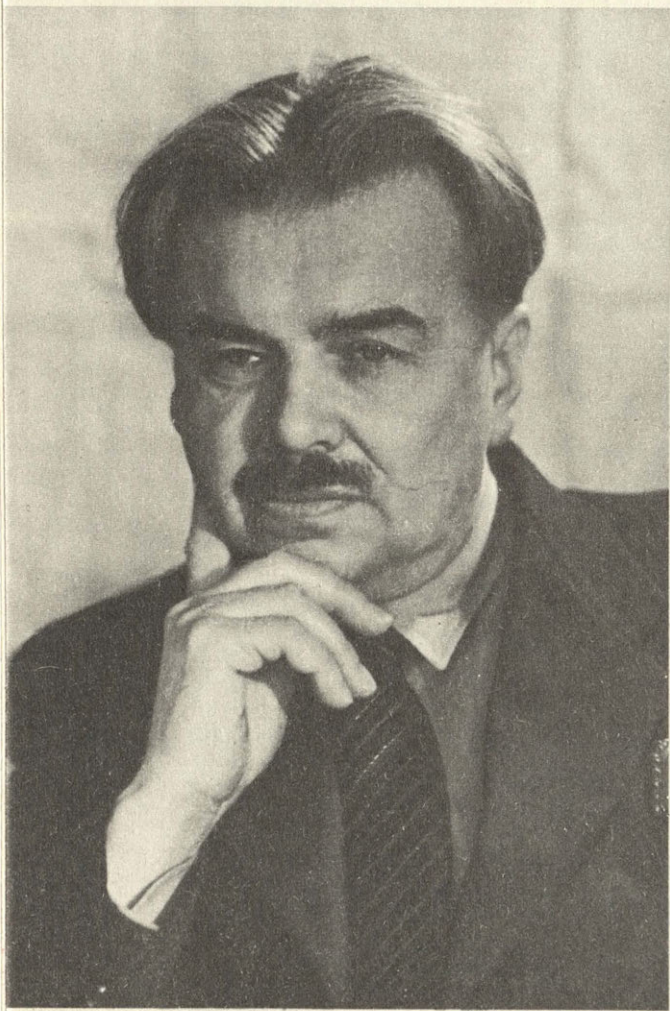

Раздумья у старого камня

Леонид Леонов,
академик,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской
и Государственных премий,
почетный член Всероссийского
общества охраны памятников
истории и культуры

Гражданская совесть и стариковские предчувствия повелевают мне высказаться вслух по поводу национальной нашей старины. Многие уже не воротить, — тем громче надо вступить в защиту уцелевшего.

Правда, одним воспоминанием прошлого не проживешь. Старина любит красоваться в раме могучей современности,

и сколько на нашей памяти увяло славных, не поддержанных деяниями потомков. Плохо бывает неуспевшим включиться в стремительный гераклитов поток. Громадные империи уходят в пучину, как разломленные на штормовой волне старомодные корабли, — даже надменные религии пытаются пристроиться к ритму текущей жизни. Время от времени врывается в застойные будни, новые, высшей целесообразности идеи порождают гигантские, подобные Октябрю, события. Они перепахивают карту мира, разблачают мнимое благообразие прежнего уклада, ускоряют бег технического прогресса: так было и с нашей страной. Неторопливые историки, когда придут на смену нетерпеливым нынешним летописцам, подведут окончательный баланс совершившимся преобразованиям с учетом и материальных достижений, выдвинувших нашу державу на первойшее место.

Так, с веками кладовые великого и трудолюбивого народа пополняются все новыми поступлениями его трудов и вдохновений... но вот уже и не видать под ними одного почтеннейшего, на самом дне хранящегося предмета, в давно прошедшие времена называвшегося хоругвью.

Как правило, реликвия эта представляет собой прямоугольный отрезок старой ткани, простреленной, обгорелой местами, с тревожно-бурными пятнами на ней, но никому и в голову не придет отдать его в химчистку. Опять же изображаются на нем не клюшка хоккейная, не экскаватор или мопед или другие эпохальные завоевания технического прогресса, а нечто давно отжитое, порою даже вопиющий анахронизм мистического содержания вроде ликов ангельских, как известно, полностью ныне опровергнутых посредством прогрессивных наук. И почему-то выясняется на практике — чем старше, чем глубже уходит корнями в прошлое такая, наивной рукой вытканная картинка, тем большей, почти магической обладает она силой воздействия. И оттого, что все на свете подлежит тлению, самые твердокаменные скрижали в том числе, то подобным до крайности хрупким сокровищам полагаются особые ласка и береженье. Предки наши от случая к случаю выносили из-под-спуда на воздух сей изредившийся лоскуток, под колокольный звон поили вешним ветром досыта, молодили солнышком отускневшее золотое шитье. Иначе рассудительному государю было никак нельзя, а то в нужде, как примется история еще разок огнем да мечом поверять тебя на годность для самостоятельного государственного бытия, сунешь руку в заветный сундук, а там ветошинка одна, вся в плесневых каках да мышеединах: такая в бой не поведет!

Помимо того, что велика и обильна,

земля наша является сплошной равнинной, — почти без тряски, из края в край проедешь по ней на колесе, чем, кстати, была значительно облегчена задача пытливых русских землепроходцев. Зато в черную минуту не оказывалось у нас никаких достаточных географических преград — заслониться как от недолговременных европейских удалцов, стремившихся порезвиться на русских раздольях, пополнить казну, утолить воинскую спесь и любознательность, — так и от потоков куда более грозной человеческой лавы, стихийно ввергавшейся к нам из незаходящих вулканов срединной Азии. Тысячелетняя память, обогащенная бедами совсем недавних столетий, воспитала в русском национальном характере помимо прочих достохвальных качеств даже странную, казалось бы, при исконном-то нашем забиячестве, осторожность в обращении с судьбой. Голос прадедов не велит нам кичиться перед ней, хвататься, идучи на рать, учит считать цыплят по осени; незажившие уроки последней войны подтверждают смертельную опасность всяческого шапками-закидательства. Нет, не о тугодумии говорится в пословице насчет крепости нашей задним умом, — лишний раз она указывает, сколь трудно учесть целиком все противоречия и коварные обстоятельства, возникающие на просторе неохватных глазом территорий.

Наши былины и живопись не раз брали темой раздумье могучего, в броне, конного витязя на распутие посереде мертвой костью усеянного чистого поля. Заботливые деды и посмертно, самыми останками своими наставляли уму-разуму опрометчивых внучат. И в том состоит их наука, что никому в нашей необъятности знать не дано, что поджидает тебя впереди — поганая Калка, предпобедное Бородино, славное поле Куликовское.

Для охранения подобных, ничем не огороженных пространств применяются особые средства... Прибегнем здесь к образу неких дальнбойных пушек, заряжаемых порохом не совсем обычной рецептуры. Как не бывает настоящего солдата без спортивного азарта, при выполнении задания, без прицельного, в самом безвыходном положении не покидающего юморка, без той персональной ненависти к врагу, что утраивала физическую стойкость окруженного, по глотку в болото загнанного белорусского партизана, — так и в помянутом порохе, помимо всех воинских добродетелей, обязательно одно, вовсе невесомое, потому что зачастую даже подсознательное, вместе с тем шибче всякой ж и в о й в о д ы важное вещество, настолько скрытое, даже целомудренное, что простыми людьми никогда не выставляется напоказ. К прискорбию, оно

у нас нередко заменяется беспечным оптимизмом, что в дореволюционном русском просторечии называлось обыкновенным а в о с е м. Может, здесь у меня и с запросом сказано, но стоит ли оставлять столь важное сомнение до практической проверки в битве, когда и в затылке почесать станет некогда?

Не странно ли, дорогие братья и сестры, что после стольких, почти вчерашних уроков мы так и не открыли мобилизующее действие трезвого пессимизма? Сия способность живо вообразить возможную изнанку некоторых парадных иллюзий хотя и может омрачить тихие радости, получаемые от рыбалки и бесед, проводимых в теплой дружественной обстановке, все же представляется мне далеко не бесполезной в нынешнем мире — сплошь в мyjnych полях, волчьих ямах да ноголомых трещинах. В такую пору мало бывает одной хоз-смеалки, а желателен целый радар в голове с дальностью минимум лет на двадцать.

И здесь нам в особенности полезно со всею болью сердца вспомнить, вникнуть, подвергнуть беспристрастному анализу ту, потрясающую патриота, под незабываемый звон стекла, июльскую речь в трагическом сорок первом. Так почему же именно, почему уже на второй неделе страшного поединка пришлось нам, несмотря на едва ли не каждодневные рассуждения про малую кровь и чужие территории, пускать в ход столь необычные в нашей практике интонации, а в прекрасное суровое утро ноябрьского парада, четыре месяца спустя, выкатывать на передовые позиции столь устарелую, казалось бы, артиллерию, с клеймами Суворова, Дмитрия Донского и даже неевского Александра? При чем делал это предельного авторитета человек — с гулким на весь свет именем. Нельзя забыть и того, что разговор велся о родном, кровном нашем Смоленске, а не о какой-либо заморской, хоть и дружественной чужбинке!

И тут, забегая вперед, невольно приходят в память ретивые администраторы, чуть не позавчера призывавшие иных простаков не слишком-де церемониться со староотеческой рухлядью... И кто знает, как обернулся бы недавняя военная страда, если бы к памятной дате третьего июля сии инсказательные пушки оказались заклепанными чьей-то ночной, недрогнувшей рукой. О, сколь много вреда способна она причинить мимоходным, кое-куда, ударом преступного зубильца.

Поэтому и представляется мне, что поговорка о необходимости держать порох сухим имеет в виду прежде всего состояние духа народного, которое я определил бы банальным чувством локтя в отношении соседа — не только ближай-

шего, по горизонтали данной эпохи, но по таинственной вертикальной связи с самыми отдаленными, давно растворившимися в земле родичами, положившими начало нашей с вами Отчизне.

Уместно повторить вслух неплохую, двухсотлетней давности мысль Руссо: всякое применение власти для своей правоты должно быть выражением народной воли... А под волей народной, надо полагать, понимается не только воля всех живущих в известное время индивидов, но и та, что поддерживает идею народную среди сменяющихся поколений. Так раскрывается в полном объеме скрепляющее нацию воедино сотрудничество поколений. Для меня любая на сельском погосте, ромашкой да погремком заросшая могильная плита приобретает вещественную силу национального пароля, и вот почему до изощренности высоко и тонко поставлен в некоторых западных странах культ кладбищ, несмотря на жгучий соблазн обращения их в дармовые пригородные каменоломни.

Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, — из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие. Поэтическая традиция, утверждающая — будто чуть ли не основным источником сего вдохновительного вещества является популярная у нас березка, упускает из виду, что поименованное дерево не менее успешно произрастает и в смежных, чужеземных владениях. На мой взгляд, гораздо больше содержится его в других, скоропреходящих, казалось бы, явлениях, — например, в милых и унывных напевах предпокосного, бывало, девичьего хоровода, или в запахе ржаной краюшки под парное молочко, или в косом мимолетном дождичке над Окой, даже в пресловутом дыме от е с т в а. Но, пожалуй, богаче всего этим живительным эликсиром, почти вровень с молоком материнским, те молчаливые, на любое кощунство такие безответные, грубой побелки мемориальные камни, что раскиданы кое-где по лицу нашей державы щедрыми и простодушными предками. Подразумеваются старинные здания нередко архаического замысла, творения изрядных русских плотников, самородных тож гениев каменного дела, воздвигнутые на потребу стародавних чувств и обычаев, почти сплошь, — извинаясь за их творцов перед нахмуренными передовыми мыслителями, — культового, то есть церковного назначения. Большинство их — величавые соборы вкупе с онемевшими, порою жалостно-дивными звонницами, давно и жестоко источенные континентальной непогодой, поросшие по карнизам мелким кустарничком, как на гра-

вюрах Пиранези... Атеистический топор в руках воинствующего невежды, о чем предупреждал еще Гете, оборачивается для культуры величайшим бедствием, потому что сопровождается уже невозместимым для человечества ущербом.

Не вдаваясь в теологические дебри, также и в обсуждение религий как социального инструмента правящих классов, беру на себя мужество вкратце объяснить по существу довольно ясного, но будто нарочно запутанного вопроса. На протяжении тысячелетий понятие бога, как исходного начала всех начал, вместившее в себя множество философских ипостасей, национально окрашенных фантастических мифов, когда-либо двигавших людью моральных стимулов, служило емкой и неприкосновенной копилкой, куда Человек — мыслитель и мастер, художник и зодчий — вносил наиболее отборное, бесценное свое, концентрат из людских озарений и страданий, безавтной мечты и неоправдавшейся надежды, наконец, свершений нечеловечески тяжкого, исполинского труда. Неизменно, сверх положенной дани в размере десятины от трудов своих, люди отдавали небу и треть, и половину, и все достоянье целиком, включая самую жизнь иногда. Бессчетная вереница одержимых детской верой в свое же создание благовейно возлагала на возвышенья алтарей свои черные гроши, пофазно переплавлявшиеся затем через восторг художника, щедрость мецената в пленяющие воображение архитектурные конструкции, населенные поэтическими причудами и химерами, в свою очередь изготовленными из неупотребляемых в быту — чистейшего света и полнейшего мрака, — воистину божественные шедевры, уже тем одним священные для всех нас, что в них сосредоточился совместный порыв иногда нескольких подряд человеческих поколений. Непосильные для любой частной мощны, вобравшие в себя всякие первостепенные ценности эпохи, эти великие храмы — от римского Петра до запомнившегося мне на всю жизнь, стрелой устремленного ввысь Йоркского собора, от циклопического Абу-Симбела, сберегаемого с нашей же помощью на месте нильской плотины, до крохотной, радовавшей москвичей несколько веков подряд расписной каменной игрушки, называвшейся Р и з п о л о ж е н ь е и сметенной в яму забвения резвой метлой тридцатых годов, они становились вещественными показателями тогдашнего уровня техники, эстетического мышления и организации коллективного труда — факелами неугасимого творческого духа, интеллектуальными вехами века. В том беда наша, что вечно возвышающиеся над нами воистину гималайские исполины, так сказать «за-

маравшие» себя прикосновением к церковной теме — Леонардо и Рублев, Бах и Микеланджело, иным донны представляются всего лишь тупицами и прихвостнями феодально-купеческой касты, продавшимися в холуйство золотому тельцу. Наступление поздней зрелости во всех цивилизациях знаменовалось скептическим пересмотром потускневших миражей детства, но всегда неприглядной представлялась сомнительная доблесть, якобы в доказательство людского превосходства над божеством — по-свински гадить в алтаре, дырывать финкой Магдалину на холсте, отрубать нос беззащитному античному Юпитеру. Как и мы, еще не родившиеся души, разноликие боги тоже толпятся в ожиданьи своей очереди у порога бытия, но во все времена по смещению очередного божества, перед интронизацией нового, устаревшего переводили на вечный пенсион мифа, легенды, сказки, а их жилища, хоть и лишенные тайны, все же не утрачивали притягательной силы для посетителей, только вместо прежних паломников последние именовались туристами...

Но эти бедные обветшалые камни заслуживают пощады и жалости также и по причине очевидной выгоды; продажа входных билетов ценителям прекрасного в течение ближайших же лет даст больше валюты, барыша и выгоды, нежели одноразовое обращение иной национальной святыньки в щебенку для мощенья непроезжего проселка.

Сверхбанальные истины эти требуют неотложного внедрения в сознание подрастающей смены, коей послезавтра, может быть, суждено встать у штурвалов государственного управления. Наравне с обучением незрелых отроков и отроковиц — как надлежит обращаться со школьным имуществом, телефонными автоматами, с лифтами общественного пользования, с древесными посадками, — и вообще как вести себя в лоне природы, которая есть отчий дом твой, полагалось бы не оставлять без внушения и поощряющих их грустную резвость родителей, — разумеется, постепенно и терпеливо, во избежание их умственной перегрузки.

Пока еще не поздно, надо довести до их сознания, что сегодня есть лишь промежуточное звено между вчера и завтра, что все мы нынешние — лишь головной отряд бесчисленных поколений пускай закопанных где-то далеко позади, однако отнюдь не исчезнувших вчистую, а и посмертно взирающих нам вдогонку. Существуют некоторые и другие связи между поколениями — кроме социально-экономической преемственности; только забвением этого рода объясняется, что иная ходовая штука ищет себе за границей

глубинку посытней... И кроме налагаемой ответственности, какая радость заключена в безотчетном ощущении суровых, немигающих глаз, провожающих тебя в неизвестность будущего!

Было бы поучительно и занимательно провести на ходу беглую викторину среди подростков, собирающихся у вечерних кафе перед тем, как прошвырнуться под транзистор по местному проспекту: знают ли они, скорые наследники и отрада наших стареющих, меркнущих очей, что, к примеру, упоминавшийся в старых книгах Калита не имеет никакого отношения к проходному устройству в заборах, а Пересвет и Ослябя не являются фотографическими терминами в смысле неправильной экспозиции? Известно ли подрастающим деткам, что печально ославленные древние наши лавры и монастыри — Валаам и Соловки, Суздальщина и Троице-Сергиева обитель служили в старину боевыми и культурными форпостами русской государственности, так что сиянье золота на куполах и звон колокольный звали предков наших к деяниям, в некоторой степени обеспечившим их нынешнее благоденствие?

А знать сие надобно потому, что в наш век обесценения хитроумнейших фортификационных сооружений перечисленные обветшалые твердыни могут и сегодня оказаться крепостями похлеще хваленых линий Зигфрида и Мажино. А лучше всего это сравнивается с материнской ладанкой, что вешалась при разлуке на грудь возлюбленному дитищу: нерушимое благословение на честный хлеб, на ратный подвиг, на сквозное безоблачное счастьеце до наитдаленнейших правнучат. Для вчерашних стариков утратить ее — было все одно, что жизни решиться, а недруги русских знают доньше: как сорвешь с нашего брата гайтан с той бедной наивной вещицей, тут его без рукавиц можно прямо в карман класть, гнуть-ломать на любое непотребство. Впрочем, довольно на нашем веку было говорено о ничтожестве беспмятных Иванов и неиссякаемой силе Антеевой!

Не блажь или переизбытком щедрот была навеяна мысль о создании республиканских обществ по охране национальных памятников, составляющих красу и гордость нашей страны. В их задачи входит не только сбережение, но и восстановление порушенных бурями мемориальных сооружений прошлого. И уж конечно, не для праздного любования нужен нам блеск старинных куполов, ажурный узор башен, каменная мощь стен, под сенью которых предки наши отваживали от своего порога гостей непрошенных. Вот почему сам я частным образом голосую за добавочные вложения на сохранение национальной старины.